

Новыя книги по исторіи Кавказа.

(Библиографическія замѣтки).

Къ числу учреждений и работниковъ, вносящихъ вклады, часто очень цѣнные, въ сокровищницу Русской науки, принадлежать правительственныя мѣста и лица, остающіяся мало извѣстными. Почему-то казенныя учреждения не публикуютъ о выходѣ своихъ трудовъ, а если и публикуютъ, то въ слишкомъ специальныхъ изданіяхъ, опять таки далеко не всеѣмъ доступныхъ. Невольно думается, какъ полезно было бы изданіе въ С.-Петербургѣ, централизирующемъ всю нашу правительственно-общественную дѣятельность, органа, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о всеѣхъ выходящихъ въ Имперіи правительственныхъ изданіяхъ, трудахъ, издающихся на казенный счетъ и т. п. Тогда, конечно, получили бы широкое распространеніе изданія того учреждения, о которомъ мы уже писали нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Мы говоримъ объ изданіяхъ такъ называемаго Военно-историческаго Отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Военно-историческій Отдѣлъ, во главѣ котораго стоитъ маститый, извѣстный историкъ В. А. Потто, возникъ сначала какъ временное, нештатное учрежденіе въ 1874 г., для изданія учрежденнаго Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ повременнаго органа—„Кавказскій Сборникъ“, предназначеннаго для печатанія военно-историческихъ матеріаловъ о Кавказской войнѣ и владычествѣ Россіи на Кавказѣ. Въ 1888 г. Отдѣлъ этотъ получилъ временный штатъ, а 16 Декабря 1890 г. —постоянный.

Кавказскаго Сборника вышло до сихъ поръ 28 томовъ. Съ 26 тома характеръ изданія нѣсколько мѣняется. До него въ „Сборникѣ“, наряду съ архивнымъ матеріаломъ, Записками и т. п., печатались статьи редакторовъ Отдѣла, компилятивнаго характера, но все-таки специально-архивнаго содержанія. Статьи эти компилировали исключительно архивный, неизданный матеріалъ, со ссылками на дѣла архива и съ обширными выдержками изъ нихъ. Такія статьи были очень полезны, ибо издать вполне архивныя дѣла едва ли будетъ когда либо возможно; статьи же извлекали изъ нихъ самую суть, оставляя въ сторонѣ неважныя мелочи, которыхъ въ каждомъ архивномъ дѣлѣ очень достаточно. Съ 26-го тома редакция „Сборника“ рѣшила помѣщать, какъ видно, только одинъ сырой матеріалъ, въ видѣ Записокъ и архивныхъ дѣлъ. Поэтому въ томахъ 26-мъ, 27-мъ и 28-мъ „Кавказскаго Сборника“ напечатаны лишь слѣд.

статьи: „Изъ Записокъ Князя Амилахвари“, „Матеріалы къ исторіи Персидской войны 1827—1828 г.“ и „Изъ воспоминаній 80-го Кабардинскаго полка подполковника Севріанова о Персидской кампаніи 1827 г.“. Послѣднія двѣ статьи имѣють интересъ лишь для специалистовъ, но первая содержитъ въ себѣ много матеріала, представляющаго общій интересъ.

Записки князя Ивана Гивича Амилахвари обнимають собою періодъ времени отъ 1850 до 1877 г. Выдержки изъ нихъ напечатаны въ 26—28 томахъ „Кавказскаго Сборника“. Князь П. Г. Амилахвари, „этотъ талантливый учитель-апостолъ великаго значенія нравственнаго духа въ войскахъ“, не получивъ солиднаго образованія, но одаренный природнымъ умомъ, наблюдательный и отзывчивый ко всѣмъ явленіямъ жизни, оставилъ послѣ себя замѣчательныя Записки-дневникъ, который велъ въ продолженіи всей войны 1877 г. Дневникъ писанъ имъ по грузински и переведенъ на Русскій языкъ еще при его жизни, подъ его личнымъ наблюденіемъ. Въ Запискахъ князя Амилахвари (окончившаго жизнь генераломъ отъ кавалеріи и генераль-адъютантомъ) заключается множество интереснѣйшихъ данныхъ для характеристики жизни войскъ Кавказа во второй половинѣ XIX в., въ годы послѣднихъ событій Кавказской войны, для исторіи этихъ событій и для обрисовки многихъ выдающихся дѣятелей Кавказа прошлаго вѣка. Остановимся на нѣсколькихъ эпизодахъ.

Глава первая Записокъ посвящена предкамъ и родителямъ князя Амилахвари. Тутъ мы встрѣчаемъ любопытныя черты жизни и быта Грузинскаго дворянства XVIII и начала XIX вѣковъ. Тутъ нельзя не обратить вниманія на отношенія Грузинъ къ Россіи въ прежнее время. Сопоставляя то, что князь Иванъ Гивичъ говоритъ тутъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ Записокъ по этому поводу, невольно сравниваешь недалекое прошлое съ настоящимъ; выродившимся потомкамъ прежнихъ богатырей-грузинъ, душею преданныхъ своей спасительницѣ, Россіи и самоотверженно служившимъ ей, надо вчитываться въ слова князя и ему подобныхъ людей, чтобы, вмѣсто слѣпой, искусственно раздутой ненависти къ Россіи, снова чувствовать, какъ чувствовали ихъ предки. Вотъ примѣръ. Изъ другихъ воспоминаній дѣтства глубоко врѣзалась въ память Ивана Гивича его поѣздка въ Тифлисъ въ 1837 г., для встрѣчи императора Николая Павловича, путешествовавшаго тогда по Кавказу. Старый дѣдъ его хотѣлъ непременно, чтобы внукъ увидѣлъ и запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ образъ великаго царя, которому родная земля ихъ была обязана своимъ спокойствіемъ и счастьемъ. Недавній разгромъ Персидянъ и Турокъ, исконныхъ враговъ Грузин, особенно взятіе Ахалциха (этого разбойничьяго гнѣзда, откуда чаще всего налетала гроза), придавали въ то время особое значеніе могуществу императора Николая, и народъ повсюду встрѣчалъ его съ сыновнею любовью. Почти всѣ Грузинскіе князья, съѣхавшіеся тогда въ Тифлисъ, привезли своихъ сыновей, чтобы сдѣлать ихъ участниками великаго народнаго праздника. „И нѣтъ сомнѣнія, говорилъ потомъ князь Иванъ Гивичъ, что эти пережитыя въ дѣтствѣ минуты были Евангельскимъ сѣменемъ, которое пало на добрую землю и плодъ принесло сторицей“. Окончивъ 6 классовъ въ Тифлисской гимназіи, кн. Иванъ

Гивичъ 21 года поступилъ въ 1850 г. вольноопредѣляющимся въ Нижегородскій драгунскій полкъ, напутствуемый своимъ дѣдомъ: „Служи такъ, какъ служили твои предки. Мы не щадили своей крови за нашихъ государей, не жалѣй и ты своей. Помни, что жизнь наша въ рукахъ Божіихъ.. Главное же, будь близокъ къ солдату и думай о немъ больше, чѣмъ о самомъ себѣ“. Золотыя слова, къ несчастью, забытыя нынѣшними Грузинами.

Нижегородскій драгунскій полкъ былъ тогда расположенъ въ Чиръ-юттѣ, на р. Сулакѣ, на передовой линіи, и на долю его выпадала тяжелая охранная служба. Въ этомъ полку, командиромъ котораго онъ сдѣлался чрезъ 13 лѣтъ, князь Иванъ Гивичъ составилъ себѣ блестящую военную репутацію. Записки его, которыми, кстати сказать, широко воспользовался историкъ славнаго полка, даютъ много высоко интересныхъ чертъ для описанія жизни нашихъ войскъ въ это время и для обрисовки военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ. Характерными для жизни того времени, какъ Россіи вообще, такъ и Кавказа въ частности, являются типы разжалованныхъ и сосланныхъ, которыхъ немало было и въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, какъ, напримѣръ бывшій командиръ Павлоградскаго гусарскаго полка, флигель-адъютантъ Фелькерзамъ. Дружескія, товарищескія отношенія, установившіяся въ полку, веселая беззаботная жизнь, обычныя гусарскія проказы и продѣлки, пиры и банкеты—все это разносило молву о Павлоградцахъ по цѣлой Россіи; но все это требовало огромныхъ денежныхъ средствъ, а ихъ у Фелькерзама не было. Рассказываютъ, что Государь два раза великодушно платилъ за него долги, но когда въ третій разъ обнаружился значительный недочетъ въ казенномъ ящикѣ, Фелькерзамъ былъ разжалованъ и присланъ на Кавказъ рядовымъ. Въ драгунскомъ полку онъ былъ принятъ въ обществѣ, бывалъ у полкового командира, но никогда не позволялъ себѣ никакихъ уклоненій отъ служебныхъ обязанностей. По рассказамъ Фелькерзама, на Кавказѣ съ нимъ случились двѣ встрѣчи, вызванныя любопытствомъ, но діаметрально противоположныя по своему значенію; какое изъ нихъ лучше, пусть судить самъ читатель; но оба характерны для того времени. „Иду я однажды по станицѣ, а на встрѣчу мнѣ казачій есаулъ; эполетъ на немъ не было, черкеска отрепанная, чевяки черкесскія. Какъ тутъ узнать, что на немъ офицерское званіе? Однако я приглядѣлся уже къ здѣшнимъ порядкамъ, подпустилъ его на шесть шаговъ и сталъ во фронтъ. Онъ подошелъ, взялъ меня за руку и спрашиваетъ: „Вы Фелькерзамъ?—Такъ точно, отвѣчаю я. „Такъ это вы-то командовали гусарскимъ полкомъ и пустили его въ трубу? Ну и ухитрились же вы, батенька!“ Онъ расхохотался отъ всей души, дружески потрепалъ меня по плечу и пошелъ своею дорогою. Но въ какомъ-то укрѣпленіицѣ, чрезъ которое Фелькерзамъ проходилъ съ этапною командою, его требуютъ къ воинскому начальнику. „Въ маленькой жарко натопленной комнатѣ, передъ салнымъ огаркомъ сидитъ старый-престарый инвалидный офицеръ. Я остановился у порога; онъ сурово оглядѣлъ меня поверхъ своихъ большихъ круглыхъ очковъ. Ты Фелькерзамъ? спрашиваетъ.—Такъ точно, я, ваше благородіе! Такъ это ты, братъ, былъ полковникомъ и командовалъ полкомъ?—Я, в. бл.!—И ты былъ флигель-адъютантомъ моего государя?—При этомъ словѣ старикъ всталъ, по-

правиль галстукъ и провелъ рукою по пуговицамъ, точно желая убѣдиться, всѣ ли онѣ у него застегнуты. Я промолчалъ. Затѣмъ онъ еще разъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и, покачавъ головою, произнесъ: „Какая же ты, братецъ, скотина! Пошелъ вонъ!“, и указательный палецъ, уставленный на дверь, далъ мнѣ знать, что аудіенція окончилась“. Кто изъ двухъ лучше?, спросимъ мы...

Перейдя вмѣстѣ съ полкомъ на театръ войны съ Турціей, князь Амилахвари продолжалъ отличаться и въ ней, а въ своихъ Запискахъ сообщаетъ много любопытнаго о военныхъ дѣйствіяхъ, объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ. Весьма характерны рассказы его о Н. Н. Муравьевѣ, о растерянности властей, едва не повлекшей за собою оставленіе нами Дагестана и т. п. Интересно описаніе дѣйствій Грузинской дворянской дружины въ Гурийскомъ отрядѣ, когда цвѣтъ Грузинскаго дворянства безстрашно воевалъ съ врагами Россіи, а не дѣйствовалъ съ ними рука объ руку, какъ чрезъ 50 лѣтъ поступали потомки славныхъ воиновъ.

Въ дальнѣйшихъ рассказахъ и замѣткахъ князя Амилахвари излагаются событія послѣднихъ трехъ лѣтъ борьбы съ Шамилемъ, войны на западномъ Кавказѣ до ея окончанія и т. д., и все это переплетается воспоминаніями о собственной службѣ, о различныхъ сторонахъ военнаго быта. Между прочимъ интересны воспоминанія о посѣщеніи фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ его Курскомъ помѣстьѣ (въ 1869 г.), гдѣ кн. Иванъ Гивичъ прогостилъ три дня. „Полюбите Кавказъ такъ, какъ мы его любили, говорилъ князь Барятинскій, обращаясь къ спутнику князя Амилахвари, капитану Витте, его народы достойны любви и уваженія. Они рыцарски храбры, и, что про нихъ ни говорили бы, исполнены добродушія“. Интересно, какъ отнесся бы князь А. И. Барятинскій къ Кавказцамъ, если бы онъ имѣлъ несчастье дожить до послѣднихъ событій на Кавказѣ. „А нашъ Кавказскій солдатъ, вдругъ заговорилъ онъ, одушевляясь, что это за прелесть! Гдѣ найдешь ему подобнаго? Я былъ уже главнокомандующимъ. Бѣду разъ изъ Шуры съ княземъ Григоріемъ Орбеліани въ его коляскѣ; четверка славная, на козлахъ править полковой фурштадтъ. Я много курю дорогою, а тутъ, какъ нарочно, камердинеръ забылъ положить мнѣ спички.—Досадно, говорю я Орбеліани, закурить нечѣмъ.—Гляжу, фурштадтъ полѣзъ молча за голенище, вынулъ кресало, не торопясь высѣкъ огонь и, не глядя на меня, черезъ плечо подаетъ зажженный трутъ: „Закуривайте!“... А помните ли вы Кабардинскій праздникъ, вскорѣ послѣ пріѣзда моего на Кавказъ.—Кабардинскій полкъ пригласилъ меня на вечеръ. Стали разносить пуншъ и, разумѣется, мнѣ первому. Взялъ я съ подноса стаканъ, отхлебнулъ и невольно сказалъ: „у, какой крѣпкій!“ — „Да и полкъ-то крѣпкій, ваше сіятельство“, сказалъ солдатъ, разносившій подносы, точно мое замѣчаніе относилось непосредственно къ нему. Вотъ онъ нашъ настоящій старый Кавказскій солдатъ, ставившій выше всего на свѣтѣ славу своего полка и несмуцавшійся ни передъ чѣмъ, даже передъ своимъ главнокомандующимъ“.

Достоинъ вниманія отзывъ князя Амилахвари о графѣ Н. И. Евдокимовѣ, личность котораго до сихъ поръ едва ли получила должную оцѣнку. „Въ пол-

ковой кампань 1873 года полку выпала скорбная честь хоронить своего старого вождя, графа Евдокимова, связаннаго съ полкомъ цѣлымъ рядомъ бывшихъ воспоминаній. Мы были ближайшими свидѣтелями тѣхъ исполнскихъ работъ, которыя были совершены имъ въ послѣдній періодъ Кавказской войны и повели за собою умиротвореніе края. Надъ гробомъ Евдокимова погасли вражда и зависть, которыя преслѣдовали его при жизни, забылись старые счеты и остались только его великія заслуги передъ отечествомъ. Три милліона десятины земли, прибрѣтенныя мечомъ, какъ выразился кто-то, прекрасное наслѣдіе, оставленное имъ Россіи“.

Съ главы XX („Кавказскій Сборникъ“, т. XXVIII) начинается дневникъ князя Амилахвари изложеніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ въ Іюль 1876 г. изъ Петербурга. „Въ Петербургѣ люди компетентные увѣряютъ, что ни Государь, ни военный министръ, ни государственный канцлеръ не желаютъ разрыва съ Турціей, а въ Скерневицѣ, при разговорѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, я замѣтилъ, что и онъ стоитъ противъ этой войны, и вообще противъ всякихъ пожертвованій на Сербское дѣло. Военственнѣе всѣхъ мнѣ показались офицеры генеральнаго штаба. Они усердно разсматриваютъ и изучаютъ карту Турціи, громко проповѣдуя въ то же время о безсиліи этого государства, объ ничтожности его арміи, величая огуломъ всѣхъ Турокъ голодными оборванцами и съ самоувѣренностью профессоровъ, твердо знающихъ свое дѣло, математически доказываютъ и вычисляютъ, что достаточно двухъ-трехъ дивизій пѣхоты, да нѣсколькихъ полковъ кавалеріи, чтобы завоевать Константинополь и всю Турцію“.

Назначеніе Лорисъ-Меликова командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ на Турецкой границѣ вызвало такой отзывъ князя Амилахвари: „По моему мнѣнію, выборъ этотъ удаченъ въ томъ отношеніи, что Лорисъ отлично знаетъ край, предназначенный для театра военныхъ дѣйствій, знакомъ съ мѣстнымъ народонаселеніемъ, съ его языкомъ, нравами и обычаями; притомъ же онъ очень умный, тонкій и ловкій человѣкъ. Личная храбрость его внѣ всякаго сомнѣнія, и если къ перечисленнымъ качествамъ онъ выкажетъ самостоятельный характеръ и искусство полководца, то лучшаго нечего и требовать“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи князь не разъ говоритъ о своихъ сношеніяхъ съ Лорисъ-Меликовымъ, „тонкая и неуловимая дипломатія котораго иногда бываетъ весьма прозрачна и осязательна“.

„На мой взглядъ Михайлъ Таріеловичъ, какъ умнѣйшій, просвѣщенный и неутомимо трудолюбивый человѣкъ, могъ бы оказать неоцѣненную пользу на войнѣ въ качествѣ помощника у хорошаго главнокомандующаго; но чтобъ онъ самъ обладалъ военнымъ качествомъ послѣдняго, въ этомъ я начинаю сомнѣваться“.

Подъ 12 Ноябремъ 1876 г. князь записываетъ разговоръ съ великимъ княземъ Михайломъ Николаевичемъ, который сказалъ: „У брата Николая на границѣ уже собрано около двухсотъ тысячъ штыковъ. Радуюсь, что онъ вы-

бралъ себѣ въ помощники хорошихъ людей,—Непокойчицкаго и Левицкаго“. На это великая княгиня, обратясь ко мнѣ, проговорила въ полголоса: „Они хороши, но оба Поляки!“.

29 Ноября. „Корпусный командиръ (Л. Меликовъ) продолжаетъ разсыпаться въ своихъ будущихъ планахъ и предпріятіяхъ. Очевидно, онъ бьетъ на эффектъ и хочетъ пустить пыль въ глаза. Какъ ни гляжу, какъ ни слушаю, не вижу въ немъ искренняго солдата, не вижу полководца. Все это сладкорѣчіе, утонченная любезность, желаніе всѣхъ обворозжить; словомъ, вся эта золотая пыль не что иное, какъ фокусъ, какъ непреодолимое стремленіе къ будущему графскому достоинству“.

1 Декабря. „Корпусный командиръ прочиталъ мнѣ только что полученную имъ изъ Тифлиса отъ великаго князя копію съ депешъ нашего посла въ Константинополь. Игнатьевъ секретно сообщаетъ его высочеству, что Англичане вмѣстѣ съ Турками стараются подкупить Курдовъ съ тѣмъ, чтобы они выставили противъ насъ боевой комплектъ въ 60 тысячъ человекъ“.

8 Декабря. „Въ сел. Сардазъ-Абадъ старый участникъ Персидской кампаніи, Георгіевскій кавалеръ Степанъ, между прочимъ, рассказалъ, какъ легко досталась Паскевичу крѣпость Сардаръ-Абадъ. Предводитель Персидской арміи въ день сраженія объявилъ своимъ войскамъ: „Въ эту ночь мнѣ приснился страшный сонъ. Русскіе всѣми своими силами нападаютъ на насъ. Во главѣ у нихъ богатырь-всадникъ на бѣломъ конѣ, и этотъ всадникъ никто иной, какъ Георгій Побѣдоносецъ. И мнѣ снилось, что непріятель нашъ остался побѣдителемъ. Это тоже для насъ предзнаменованіе: если Русскіе вступятъ сегодня въ бой и если только вождь ихъ появится на бѣломъ конѣ, то намъ слѣдуетъ искать спасенія, а не драться, иначе мы всѣ до одинаго должны погибнуть“. Степанъ съ лукавствомъ Армянина радостно добавилъ: и въ этотъ день на самомъ дѣлѣ было у насъ сраженіе. Паскевичъ со всей своей свитой появились на бѣлыхъ коняхъ. Персіане дрогнули и бросились бѣжать и были разбиты на голову. Если все это не басня, а историческая правда, то нельзя не признать, что Паскевичъ нашъ ловко умѣлъ вести дѣло съ Азіатами“.

10 Декабря. Сопоставленіе патріарховъ Эчміадзынскихъ, Нерсеса и Кеворка IV: первый, при князѣ Воронцовѣ, былъ внимателенъ и расположенъ къ нашимъ войскамъ въ войну 1855—56 гг.; второй въ 1877 г. проявлялъ какую-то особую враждебность къ Русскому военному элементу.

6 Января 1877 г. Князь Амилахвари подробно описываетъ братское единеніе православныхъ и Армянъ при празднованіи дня Богоявленія въ Эривани.

14 Января. „Командиръ 2-го Уманскаго казачьяго полка привозилъ ко мнѣ сегодня на показъ муку и выпеченный изъ нея хлѣбъ. Мука оказалась съ камешками и перемѣшана съ известью. Разумѣется, я тотчасъ же препроводилъ къ начальнику отряда эти вещественныя доказательства невинныхъ шалостей нашего интендантскаго рыцарства. Посягательства на солдатскій желудокъ уже начались, и замѣчательно, въ такой странѣ, въ такой житницѣ, гдѣ пудъ пше-

ницы стоитъ 30 коп.". Объ интендантахъ и ихъ подвигахъ далѣе не разъ общаются пикантныя подробности.

Приводить все, заслуживающее вниманіе въ дневникѣ князя Ивана Гивича, конечно, мы не можемъ; окончимъ возгласомъ его подь 1 Февраля: „Здѣсь, къ прискорбію моему, я узналъ, что въ Грузинской дружинѣ было нѣсколько слушаевъ побѣга. Стыдно Грузинамъ! Всегда они честно и усердно служили Царю и Отечеству. Какая же нечистая сила ихъ попутала на такіе небывалые въ средѣ ихъ поступки?“ Къ счастью для доблестнаго Грузина, изъ глубины души котораго вырвался этотъ возгласъ, онъ не дожидъ до времени господства нечистой силы среди его соплеменниковъ.

Перейдемъ теперь къ другому капитальному труду, предпринятому Кавказскимъ военно-историческимъ Отдѣломъ. Въ 1901 г., какъ извѣстно, исполнилось сто лѣтъ со времени добровольнаго, но вызваннаго гибельнымъ состояніемъ страны, присоединенія Грузіи къ Россіи. Это событіе, завершившее трехвѣковое тяготѣніе погибавшаго царства къ могущественной Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу естественнаго послѣдствія его, начало собою многолѣтнюю войну за обладаніе Кавказомъ съ врагами внѣшними и внутренними. Столѣтній юбилей въ 1901 г. возбудилъ желаніе составить исторію этой войны и имѣющую съ ней неразрывную связь исторію нашего управленія Кавказомъ. Поэтому на военно-историческій Отдѣлъ было возложено составить исторію утверженія Русскаго владычества на Кавказѣ. Составленная имъ программа этого труда была утверждена бывшимъ тогда военнымъ министромъ, генераль-адъютантомъ Куропаткинымъ. Весь трудъ долженъ составить 15 томовъ, изъ которыхъ по настоящее время вышло въ свѣтъ 5 томовъ въ 7 книгахъ. Какъ бы предисловіемъ къ этому труду въ 1899 году была выпущена книга (in 4°, 332 + XIV с.): „Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Къ столѣтію занятія Тифлиса Русскими войсками 26 Ноября 1799 г. Подъ ред. ген.-маіора Потто. Изданіе военно-историч. Отд. при штабѣ Кавк. военнаго округа“. Въ этомъ изданіи, украшенномъ многочисленными рисунками и картами, „Военно-историческій Отдѣлъ призналъ необходимымъ указать въ краткомъ обзорѣ тотъ путь, которымъ первыя случайныя сношенія Руси съ Кавказомъ привели постепенно къ сознанію исторической задачи Русскаго государства на Кавказскомъ перешейкѣ“. Поэтому „Очеркъ“ излагаетъ кратко сношенія Россіи съ Кавказомъ съ древнѣйшихъ временъ, подробнѣе, начиная съ Петра Великаго, развиваетъ изложеніе событій въ царствованіе Екатерины II и оканчиваетъ битвою на Иорѣ 7 Ноября 1800 года.

Самая исторія, въ которую вводитъ „Очеркъ“, начала выходить въ 1901 г., когда появилась книга: „Утверженіе Русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ I. Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа генераль-лейтенанта Н. Н. Бѣлявскаго, составленъ въ военно-историческомъ Отдѣлѣ подь редакціею генераль-маіора Потто“. Тифлисъ, 4°, 7 + 309 + X с., со многими рисунками, планами и картами. Въ 1902 г. вышелъ томъ II, V + 527 + XV ст. съ 19 портретами, рисунками, планами и картами; въ 1904 г.—томъ III въ

двухъ частяхъ (ч. 1-я—V+XI+527+XVIII с. съ 12 рис. и пр., ч. 2-я—IV+590+XVIII с. съ 9 рис. и пр.); томъ IV вышелъ также въ 2 частяхъ: 1-я часть въ 1906 г.—II+320+XII с. съ 10 рис. и пр., 2-я въ 1908 г.—IV+455+XV с. Вънѣ порядка томовъ вышелъ въ 1901 г.—XII томъ, занятый сочиненіемъ В. Н. Пваненко (бывшаго военнаго судьи Кавказскаго военно-окружнаго суда: „Гражданское управленіе Закавказьемъ отъ присоединенія Грузіи до намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича. Историческій очеркъ“. (IV+525 стр. съ рисунками).

Какъ бы ни смотрѣть на такого рода труды, участіе въ нихъ такихъ знатоковъ Кавказа и его исторіи, какъ т.-сов. Е. Г. Вейденбаумъ, генер. В. А. Потто, полковникъ В. П. Томкѣевъ, придаетъ всему изданію такую авторитетность, что, конечно, этотъ трудъ Военно-историческаго Отдѣла займетъ видное мѣсто въ библиотекѣ cadaго историка Россіи. Четвертый томъ оканчивается управленіемъ Паскевича (1829 годомъ), именно изложеніемъ его Персидской и Турецкой кампаній. Остается лишь желать, чтобы капитальный трудъ Военно-историческаго Отдѣла не остановился на этомъ, и чтобы онъ далъ намъ, наконецъ, исторію всей Кавказской войны, для чего собраны громадныя запасы и въ другихъ его изданіяхъ, не говоря уже объ имѣющемся въ его распоряженіи архивномъ матеріалѣ.

Е. Козубскій.

Г. Т. Х. Шура,
1 Декабря 1909 г.

Письмо графа Д. Н. Шереметева къ В. А. Жуковскому.

Копія.

Милостивый Государь Василій Андреевичъ.

Жена¹⁾ моя передала мнѣ желаніе Вашего Превосходительства относительно дарованія свободы матери Никитенкова²⁾, я долгомъ считаю увѣдомить Васъ, что я вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе сдѣлать угодное Вашему Превосходительству.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Дмитрій Шереметевъ.

1-го Апрѣля

1841 г.

В. А. Жуковскому.

¹⁾ Графиня Анна Сергѣевна († 11 Юня 1849) П. Б.

²⁾ Сынъ ея, Александръ Васильевичъ Никитенко, былъ въ это время уже профессоромъ Петербургскаго Университета.